

Зеркало
нашуми

**ЭЛЬДАР
РЯЗАНОВ**

**Грустное лицо
комедии,
или Наконец
подведенные итоги**

Издательство АСТ
Москва

УДК 791.071:929(470)

ББК 85.374.3(2)6-8

Р99

Дизайн серии *Андрея Фереца*
Дизайн обложки *Яны Половцевой*

В книге использованы фото из личного архива автора, а также фондов Киноконцерна «Мосфильм» и ФГУП МИА «Россия сегодня»

Фото на обложке *Михаил Фомичев, ИТАР-ТАСС*

Рязанов, Эльдар Александрович

Р99 Грустное лицо комедии, или Наконец подведенные итоги / Эльдар Рязанов. – Москва: Издательство АСТ, 2022. – 672 с.: ил. – (Зеркало памяти).

ISBN 978-5-17-150382-6

Эльдар Рязанов (1927–2015) — народный артист СССР, кинорежиссер, сценарист, актер, поэт и драматург. Фильмы, которые он снимал, один за другим становились успешными и любимыми зрителем: «Карнавальная ночь», «Берегись автомобиля», «Зигзаг удачи», «Старики-разбойники», «Ирония судьбы, или С легким паром!», «Служебный роман», «Гараж», «Вокзал для двоих»...

В этой книге Эльдар Александрович очень искренне и в то же время с долей иронии и юмора рассказывает о том, как сложилась его жизнь, почему мальчишка, мечтавший стать писателем и моряком, ничего не знавший о профессии режиссера, вдруг поступил во ВГИК, что помогало ему потом угадывать, какие нужно снимать фильмы, чтобы их любили зрители, почему известные артисты — С. Немоляева, В. Гафт, Л. Ахеджакова, А. Фрейндлих, А. Мягков и многие другие — с большим удовольствием играли в его картинах и дружили с ним, и каким образом он все же стал писателем.

«Грустное лицо комедии, или Наконец подведенные итоги» раскрывает вам секреты души и творчества большого мастера.

УДК 791.071:929(470)

ББК 85.374.3(2)6-8

ISBN 978-5-17-150382-6

© Э.А. Рязанов (наследники),
текст, 2022

© ИТАР-ТАСС

© РИА Новости

© Киноконцерн «Мосфильм»
(кадры из фильмов)

© ООО «Издательство АСТ», 2022

Вместо предисловия

Эту книгу я пишу всю жизнь...

Первой в 1975 году появилась тоненькая брошюра «Эти несерьезные, несерьезные фильмы». Я уже поставил к тому времени десять фильмов и в этой худенькой книжечке рассказал о том, как это делалось. Потом в 1977 году возникла книга потолще, в твердой обложке — «Грустное лицо комедии». А шесть лет спустя по мотивам этих двух книг я накатал «Неподведенные итоги» — пухлое сочинение под стать своему автору, который с годами тоже не худеет. А далее буквально с промежутками в несколько лет пошли переиздания этого биографического опуса с соответствующими дополнениями, ибо появлялись мои новые кинокартины, на телеэкране выходили «Кинопанорамы», которые я вел, и авторские телепрограммы, в журналах печатались стихи и т.д. Раз от разу книга «Неподведенные итоги» становилась все толще и толще, тщетно пытаюсь догнать своего сочинителя. Позже, не то к пятому, не то к седьмому переизданию, стало ясно, что новые истории «не влезают» в книжный объем, что пришло время выбрасывать из фолианта какие-то главы о случаях из жизни или на съемках. Пришлось жертвовать ими, чтобы дать место новым историям о новых лентах, изымать новеллы о некоторых исполнителях, чтобы рассказать о новых артистах, поведать о последних жизненных ситуациях. Так что каждое новое издание отличалось от предыдущего. Если положить сейчас издание «Итогов» 1983 года рядом с последним, это будут весьма различные книги, написанные при этом одним и тем же автором об одном и том же человеке.

В книге, которую Вы сейчас держите в руках, я объединил два названия. Одно из первых — «Грустное лицо комедии», и последующие «Неподведенные итоги» — с той разницей, что «итоги» стали наконец-то «подведенными». Когда тебе 82 года, то пора бы уже и честь знать, то есть подвести итоги.

Жизнь длинная, и впихнуть все, что кажется важным, конечно, не удалось. Я не поведал о работе ставшего родным киноклуба «Эльдар», которым руководит моя жена Эмма, а я устроился

в нем «вывеской». Я ничего не рассказал здесь о преподавании на Высших режиссерских курсах, о своих учениках, о своей работе в качестве президента академии «Ника» (это длилось шесть лет). Я не успел сказать добрые слова о своих коллегах, таких дивных режиссерах, как Петр Тодоровский, Георгий Данелия, Глеб Панфилов, Василий Шукшин, Вадим Абдрашитов, Гарри Бардин, Алексей Герман, Марлен Хуциев, Александр Митта и некоторых других. Не написал о моем потрясающем немецком друге Юргене Лабенском. Я не рассказал еще много о чем, но книга, как и трамвай, к сожалению, «не резиновая»...

На улицах довольно часто ко мне подходят незнакомые люди и благодарят меня за фильмы, стихи, телевизионные выступления. Это, конечно, очень приятно. Но в глубине души в таких случаях я думаю — они меня явно с кем-то путают, я-то сам знаю себе подлинную цену и никак не заслуживаю этих похвал. В зрительских опросах или анкетах эти люди (и их, оказывается, немало) регулярно ставят мою фамилию на первое место. Но подобные опросы и анкеты в искусстве являются полной нелепостью. Только время расставит все по своим местам. Искусство — не спорт. Это там прыгнул выше всех, ты — Рекордсмен, доплыл быстрее всех, ты — Чемпион. В искусстве иные критерии, там нельзя быть первым. Как-то одного знаменитого скрипача репортер спросил: «На какое место в мире ставите Вы себя в таблице о рангах?» Знаменитость ответила твердо: «На второе!» Репортер удивился: «А кто же тогда на первом месте?» «О! — ответил скрипач. — На первом месте многие!»

Мое время уходит, меняется эпоха, нашему поколению становится неуютно. Один поэт сказал:

Пришли иные времена,
Взошли иные имена...

А другой стихотворец резонно заметил:

Времена не выбирают,
В них живут и умирают...

Я не знаю, что будет дальше. Если добуду денег на постановку картины и при этом хватит здоровья, то обязательно сниму еще один фильм. А если хоть одно из этих условий будет нарушено, то не сниму. Кстати, сценарий готов, написан полтора года на-

зад. Он ждет. И я еще тоже жду. Жизнь непредсказуема и поэтому весьма любопытна... Но все не так печально, как кажется. И вообще, все зависит от точки зрения. К примеру, если на твой фильм пришло ползала, то оптимист скажет радостно: «Был наполовину полный зал!». А пессимист о том же событии поведает печально: «Зал был наполовину пуст!». Я не знаю, что я еще сделаю и сделаю ли. Характер у меня довольно неугомонный. Может, сниму нечто телевизионное. Или напишу какое-нибудь сюжетное повествование, или что-то автобиографическое. Черт его (в смысле меня) знает! Все же я, несмотря ни на что, оптимист, что явно не говорит о моем уме...

Только что я закончил новый видеофильм «Музыка жизни». Это название одного из моих стихотворений. Подзаголовок — «Эльдар Рязанов читает свои стихи». В этой видеоленте один сценарист — я, один поэт — тоже я, один режиссер — естественно, я, один исполнитель, он же чтец-декламатор — тоже я. Снято все в моем доме за городом, где я постоянно живу, а также в окрестностях нашего дома на замечательной природе летом, осенью и зимой. Сплошное самообслуживание. Еще одна попытка рассказать о себе — на этот раз в стихах. Стихи о грустном — потерях, поражениях, тайных мыслях, о любви... Своего рода дневник. Есть и веселые ироничные строки.

...Перед Вами моя жизнь, и я желаю Вам интересного по ней путешествия.

*Ваш Эльдар
Ноябрь 2009 года*

Немного о биографии

Я с детства любил читать. Читать я научился, когда мне исполнилось три года. Помню, как, разложив на полу газеты и лежа на них, я бормотал газетные заголовки, не понимая их смысла. Меня интересовало само чудо — как из букв составляются слова. Читал я запоем всегда. Для того чтобы оторвать меня от книжки, нужно было окликнуть несколько раз — громко. Тогда я возвращался из другого, волшебного мира, из мира Жюль Верна, Майн Рида или Александра Дюма, чтобы выяснить, зачем меня побеспокоили.

Когда я учился в третьем классе, я совершил свой первый, мягко говоря, неблагоприятный поступок. Я был записан в несколько библиотек в районе и вдруг откопал еще одну, новую. Для того чтобы записаться, надо было принести справку из школы. И книжки тебе выдавали бы соответственно тому классу, в котором ты учился. Но я сильно опередил по чтению сверстников. В школьной справке, выданной для библиотеки, указывалось, что я ученик 3-го (было, к счастью, написано цифрой) класса. Я такими же чернилами переделал цифру 3 на 5, совершив, таким образом, подлог. Я волновался, конечно, когда вручал библиотекарше липовый документ, но она ничего не заметила, и я стал получать книги, положенные пятиклассникам.

В восьмом классе я уже не сомневался: самая лучшая профессия на земле — писатель! Для меня не существовало занятия прекраснее, чем чтение книг. Хотелось стать писателем и доставлять такое же удовольствие другим.

Писатель должен знать жизнь — это я усвоил крепко. А я ее совершенно не знал. Мое тогдашнее бытие не представляло интереса — так я считал в то, военное, время. Длиннющие многочасовые очереди за иждивенческой нормой черного хлеба по карточкам; трудный быт эвакуации; прозябание в холодном бараке, где приходилось растапливать печку кусками резиновых шин, брошенных на свалке; охота на гигантских, полуметровых, крыс, шныряющих по бараку; умение готовить обед почти что из ничего; наука нянчить младшего брата — все это было буднями, прозой. А уж если

писать, то о сильных характерах, экзотических далеких странах, о небывалых приключениях, больших страхах, думал я.

И пришел к выводу, что, прежде чем освоить писательское дело, я должен выбрать себе такую профессию, которая дала бы возможность познать жизнь. А потом я создам произведения об увиденном, испытанном, пережитом.

В то время моей любимой книжкой был «Мартин Иден» Джека Лондона. Ее герой, моряк Мартин Иден, объездивший полмира, повидавший и перенесший многое, становится писателем. В этом образе я нашел для себя пример, которому намеревался следовать. Сначала я утолю свою жажду путешествий, увижу новые земли и их жителей, а потом опишу это в своих сочинениях. Вопрос был для меня ясен и прост: надо поскорее кончать школу, поступать в мореходное училище и, подобно Мартину Идену, бороздить океаны, насыщаться жизненными впечатлениями. Типичные взгляды юного романтика.

Чтобы не тратить целый год на опостылевшую учебу, я решил сдать экзамен за десятый класс экстерном. Условия были таковы: надо выдержать одиннадцать экзаменов. На каждый из них «отпускался» один день подготовки. Человек, схлопотавший двойку по какому-либо предмету, выбывал из этих «соревнований» навсегда, как принято на спортивных олимпиадах. Если ученик получал двойку на третьем, пятом или седьмом экзамене, он к дальнейшим испытаниям не допускался.

И все-таки я отважился рискнуть. Очевидно, в моем характере уже тогда гнездились кое-какие авантюристические склонности.

Поначалу дела двигались недурно. С литературой у меня с малых лет сложились неплохие отношения. Сочинение, устный русский язык и литература прошли легко, в таблице красовались три пятерки. Дальше следовал иностранный язык, с которым я тоже более или менее справился, заработав твердую четверку; к географии — без нее моряку невозможно — я относился с особой симпатией.

Каждый день рано утром я открывал учебник и садился его читать. Естественно, впервые, потому что до этого момента я его в глаза не видывал! Ведь в десятом классе я не учился вовсе и ничего ни по одному предмету не знал. Я проглатывал учебник за день и на завтра отправлялся сдавать.

Очень я страшился физики. Ведь мои школьные годы пришлись на военное время. Учителя физики, как правило, муж-

чины, поголовно воевали. Поэтому физику тогда просто не изучали, этого предмета как бы не существовало. Вместо отметки в ежегодных табелях против графы «Физика» стоял прочерк. Так что с этой наукой я был совершенно не знаком и не сомневался, что непременно завалюсь.

В физическом кабинете, где мне предстоял позор, стояли какие-то загадочные приборы, на которые я тупо взирал, ничего не понимая. Я вытащил билет и сел готовиться к экзамену.

Первые два вопроса в билете были теоретические, а третий — задача. Я в то время обладал довольно свежими мозгами и хорошей зрительной памятью. Накануне я как раз успел проштудировать учебник физики. Не понял я в нем, правда, ни бельмеса, но прочитал добросовестно от корки до корки. Благодаря колоссальному напряжению воли я заставил себя вспомнить те страницы, на которых был материал по первым двум пунктам экзаменационного билета. Перед глазами как бы всплыли строчки, и я слово в слово по памяти записал на бумажку то, что вчера видел в учебнике. На задачу же я уставился как баран на новые ворота и оставил ее в покое. Я даже не понимал, с какого бока к ней можно подойти.

Наконец меня вызвали к доске. На первые два вопроса я отбарабанил наизусть весь текст учебника. Учителя остались довольны: «Спасибо, садитесь. Отлично». Это было неслыханное везение! Ведь стоило им подобраться к задаче, я тут же оказался бы разоблачен в своем невежестве, выбыл бы из экзаменационного марафона.

Так благодаря счастливой случайности я перевалил через один из самых сложных для меня рубежей.

С каждым днем преодолевать барьеры испытаний становилось все труднее и труднее — сказывалась усталость. Напряжение для неокрепших мозгов было непосильным.

И вот наступил последний, одиннадцатый, экзамен — по химии. Химия десятого класса — органическая и совершенно не похожа на неорганическую химию, которую я в девятом классе знал неплохо. Вытащив билет, я посмотрел на него, как на китайскую грамоту. Вышел к доске — и «не сказал ни единого слова», буквально не открыл рта. Педагоги растерялись: в лежавшем перед ними табеле — только хорошие и отличные отметки! Срезать ученика на последнем испытании было, конечно, слишком кровавадно. Я же тупо стоял перед доской и молчал.

В общем, учителя пожалели меня. Они нарушили свой педагогический долг и поставили мне по химии тройку, за что я им, естественно, очень и очень признателен.

Таким образом я, совершенно неожиданно для себя, сделался владельцем аттестата об окончании десятилетки. Из шестидесяти человек, которые пустились в это рискованное приключение, до финиша добралось только восемь. Благодаря человеколюбию педагогов я оказался одним из тех немногих счастливцев.

Теперь можно было подавать документы в мореходку. Я послал в Одессу письмо-заявление с просьбой допустить меня к приемным испытаниям и стал ждать ответа. Шел сорок четвертый, военный год. Почта работала плохо. Время летело, а ответ не приходил.

Если в ближайшие дни не придет конверт из Одессы, то у меня пропадет год, который я выиграл лихой сдачей экзаменов за десятый класс. И я стал размышлять: «Может быть, пока, временно, стоит поучиться в каком-нибудь другом институте?» Но в каком? Я был еще очень зелен, не готов к выбору. Мне еще не было семнадцати.

И однажды, помню это как сейчас, я встретил на улице одного из тех восьми избранников, который тоже завоевал аттестат об окончании десятилетки. Я его спросил:

— Куда ты поступаешь?

Он сказал:

— Во ВГИК.

— А что это такое? — поинтересовался я.

Он ответил:

— Институт кинематографии.

— А-а-а! — Я был несколько обескуражен, потому что никогда в жизни не слышал о существовании подобного института. — И на какой же факультет? — продолжал я допрос.

Он объяснил:

— На экономический. Я буду организатором производства.

— Кем-кем?

Он предложил:

— Я еду сейчас в институт. Хочешь, поедем со мной, ты там все сам посмотришь.

Сказано — сделано. Мы сели в трамвай и поехали во ВГИК. Там я ознакомился с программой вступительных экзаменов. Чтобы попасть на операторский факультет, надо было уметь фотографировать и представить свои снимки. Я никогда не имел

фотоаппарата и фотографией не занимался. Ясно, что оператором мне не быть!

Поступающие на художественный факультет волокли увесистые папки с собственными работами — графикой, живописью, рисунками. Об этом вообще не могло быть речи. Я в жизни не нарисовал ничего!

На актерском абитуриенту надо было читать стихи, басню, отрывок из прозы, играть этюды на заданные темы. Я сроду не участвовал в самодеятельности и в глубине души подозревал, что как артист бездарен. Следовательно, и актерская будущность для меня отпадала.

Оставался еще экономический факультет, на который стремился мой знакомый. Но профессия организатора кинопроизводства меня не привлекала.

И, наконец, режиссерский! Здесь как будто бы ничего конкретно уметь не нужно — ни фотографировать, ни рисовать, ни играть. Требовалось, правда, предъявить литературные труды. А они как раз имелись! Я, как подавляющее большинство юношей, писал стихи. И я понял: надо подаваться, конечно, на режиссерский факультет. Годик перебежусь, за это время сумею списаться как следует с Одессой, выясню условия приема и на будущий год поступлю в мореходное училище.

Мгновенно все решив, я поехал домой, взял свои документы, аттестат, тетрадочку стихов и отвез все это в приемную комиссию ВГИКа.

После подачи документов я выяснил, что выбрал факультет, где толпились двадцать пять претендентов на одно место. Двадцать пять! И сейчас и тогда такой конкурс считался очень внушительным, просто огромным. Надо признаться, что к кино я не питал в то время никаких теплых чувств, фильмов видел мало, предпочитал посещать театры. Мое кинематографическое невежество было поистине катастрофическим.

Первый вступительный экзамен — рецензия на фильм, название которого мы должны узнать только в просмотровом зале. Так что подготовиться заранее не представлялось возможным. Фильмом оказался «Депутат Балтики» режиссеров Александра Зархи и Иосифа Хейфица. Фильм мне понравился чрезвычайно. Но в рецензии, написанной по школьным стандартам, я толком не смог объяснить, что же именно произвело на меня впечатление.

Поставили мне за эту работу тройку.

Второй экзамен назывался загадочно — письменная работа. Мы явились в институт, нас загнали в аудиторию и заперли. На каждом столе лежал распечатанный на машинке рассказ А. Чехова «Жалобная книга». Этот маленький рассказ состоит из записей, оставленных проезжающими пассажирами в вокзальной жалобной книге: «Подъезжая к сией станции и глядя на природу в окно, у меня слетела шляпа. И. Ярмонкин...», «Жандармиха ездила вчера с буфетчиком Костькой за реку. Желаем всего лучшего. Не унывай, жандарм!», «Прошу в жалобной книге не писать посторонних вещей. За начальника станции Иванов-7-й», «Хоть ты и седьмой, а дурак...» и т.д. Задание заключалось в следующем: на свой вкус выбрать три любые записи и охарактеризовать людей, которые их оставили. Короче говоря, требовалось создать три литературных портрета.

Я умел писать стихи «под Маяковского», «под Есенина», «под Надсона», улавливая литературную манеру того или иного поэта. Я понял, что сейчас мне надо сочинить рассказы «под Чехова». Я сообразил также, что хорошо, если эти три новеллы будут разными по форме. Одну новеллу я написал в виде письма, другую — как отрывок из дневника, а третью — как рассказ от автора. Я постарался максимально соблюсти чеховскую интонацию, чеховскую манеру письма, чеховский язык. Очевидно, мне это в какой-то степени удалось: я получил пятерку.

Теперь предстояла главная экзекуция — собеседование! Про этот экзамен в институте ходили легенды. На коллоквиуме могли задать вопрос о чем угодно, про кого угодно, как угодно. Могли заставить сыграть актерский этюд на любую тему, попросить спеть, станцевать, походить на руках... Пытка для каждого выдумывалась индивидуально. Основная задача приемной комиссии — заставить абитуриента врасплох, поставить его в безвыходное положение и посмотреть, как он будет выпутываться.

Для собеседования необходимо было также приготовить отрывок из прозы, стихотворение, басню и прочесть их с художественным, артистическим мастерством.

В общем, угадать, откуда будет нанесен удар, не представлялось возможным. Оставалось только положиться на фортуна. Проникшийся этим фатальным настроением, не ожидая ничего хорошего, я понуро вошел в зал, где сидели мучители, изображающие приемную комиссию. Кроме того, меня угнетало одно обстоятельство. На мне был надет единственный мой пиджак с большими заплатами на локтях. Мне ужасно хотелось скрыть от

комиссии свою бедность. Это сейчас не стыдятся заплат и даже, наоборот, выставляют их напоказ. Такова нынешняя мода. Я же тогда старался как-то скрутить рукава и подогнуть локти, чтобы было незаметно.

Первый вопрос, довольно абстрактный, мне задал Григорий Михайлович Козинцев, набравший курс:

— Скажите, что вы читали?

Я как-то растерялся, оробел и, наверное, поэтому ответил нахально:

— Ну, Пушкина, Лермонтова, и вообще я для своего возраста читал много.

В комиссии почему-то засмеялись. Потом меня спросили, помню ли я картину Репина «Не ждали». Репин был одним из немногих художников, которых я в то время знал. И я ответил с гордостью, что помню.

— А сколько человек на ней изображено?

Я начал вспоминать и сказал — шесть. Теперь я понимаю: таким способом проверяли мою зрительную память. Я ошибся. Оказывается, там нарисованы семь человек. Об одной фигуре, выглядывающей из-за двери, я забыл.

Затем мне проиграли музыкальную пьесу и поинтересовались, какие зрительные образы возникают у меня, когда я слушаю эту музыку. Честно говоря, у меня не возникало никаких образов. Но я понимал, что, если отвечу правду, они сразу же раскусят, что я совершенно немзыкален, а это надо скрыть. Поскольку музыка была громкая, я сообщил комиссии что-то очень банальное: море, буря, корабль, лишенный управления, несется по воле волн и т.д.

Мой ответ, видимо, пришелся не по вкусу, и Г.М. Козинцев, предчувствуя, что со мной придется расстаться, решил дать мне еще одну, последнюю попытку.

— Ну, хорошо, — сказал он усталым голосом, — сочините нам, пожалуйста, рассказ, кончающийся вопросом «Который час?»

Воцарилась зловещая пауза. В тишине раздавался усиленный скрип мозгов абитуриента. Я понимал, что время идет, я произвожу невыгодное впечатление.

Пытаясь как-то оттянуть развязку, я спросил:

— Не обязательно смешное?

— Пожалуйста, что хотите.

И я принялся сочинять, еще не зная, чем кончу.

Я представил себе лестницу, где жил на пятом этаже в старом доме, и начал:

— Вот по обшарпанной лестнице на пятый этаж бредет усталый почтальон. Лифт не работает — война. Почтальон поднимается. Он запыхался. Он уже немолод. Он позвонил в дверь. Из квартиры вышел старик. Почтальон вручил ему письмо. Старик посмотрел на конверт: на обратном адресе значилась полевая почта, где воевал его сын. Но адрес был написан чужой рукой. Старик взял письмо и вернулся в комнату. В комнате сидела старуха. Он сказал:

— Письмо пришло!

Старик вскрыл конверт и прочитал, что их сын погиб смертью героя. Старик выронил из рук листок бумаги и спросил:

— Который час?..

...Потом мне задавали еще какие-то каверзные вопросы. Экзаменаторы нападали, я отбивался как мог, с ужасом ожидая, что меня попросят исполнить актерский этюд или прочитать стихи. Но, по счастью, все обошлось. Очевидно, я им надоел, и они сказали: «Ну ладно, вы свободны». Меня отпустили, вклеив за собеседование тройку.

Это была победа, потому что меня приняли. Правда, приняли условно. «Условно» означало следующее: меня берут как бы на испытательный срок. Если окончу первый семестр с хорошими результатами, то останусь учиться. Если же получу плохие отметки по специальности, то меня в середине зимы вышвырнут на улицу.

Институт меня принял условно, да и я в него тоже поступил весьма условно. Любви друг к другу мы не питали: ни я — к институту, ни институт — ко мне.

Итак, прошло всего два месяца, и ученик девятого класса благодаря цепи счастливых случайностей превратился в студента первого курса Института кинематографии. Повторяю, мне не исполнилось еще и семнадцати лет. И, говоря откровенно, я совершенно не был подготовлен к учебе во ВГИКе.

Я оказался самым молодым на курсе. Меня окружали люди, мечтавшие о кинорежиссуре с давних пор. По сравнению с ними я чувствовал себя абсолютным профаном — ведь я не ведал про кино ровным счетом ничего. Если говорить о старте, я находился в крайне невыгодном положении. Мне пришлось взять сразу стремительный разбег, чтобы догнать своих однокашников, людей взрослых, обладавших жизненным опытом — некоторые из